
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИИ

Д.В. Гаглюев

Кафедра конституционного и муниципального права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена некоторым вопросам становления, развития и эволюции публичных мероприятий в России на различных этапах.

Ключевые слова: публичные мероприятия, нормативные акты международно-правового характера, институт гражданства, гражданское общество.

С конца XX в. и по сей день политико-правовая система России и других стран, входивших в состав бывшего СССР, находится в процессе глубокой трансформации. Долгое время институты публичных мероприятий в нашей стране существовали лишь на бумаге, поскольку в странах тоталитарного социализма свобода выражения коллективного и частного мнения всегда была фактически ограничена запретом антисоциалистической пропаганды. Оригинально трактовалась и сама по себе концепция права: «Право есть форма выражения и применения насилия» [23. С. 124].

Правовое регулирование политических прав и свобод граждан в стране исторически складывалось в условиях господства классового подхода. В силу этого первоначально политическими правами и свободами обладали лишь трудящиеся (ст. 14–16, 64 Конституции РСФСР 1918 г.). Только с провозглашением Конституцией СССР 1936 г. социалистического государства рабочих и крестьян политические права и свободы формально были закреплены за всеми гражданами. Однако и на этом этапе господствовал необъективный подход к правовому обеспечению прав и свобод граждан, заложенный еще в первые годы советской власти. Согласно ему всей полнотой прав и свобод обладало государство, предоставляющее их гражданам в том объеме, в котором считало необходимым. Эта концепция наглядно демонстрировала авторитарный характер советского государства.

Однако сущность государства умело маскировалась под ширмой «полновластия» народа, олицетворявшегося, в первую очередь, политическими правами и свободами, которые при этом могли быть реализованы гражданами только в интересах социалистического общества и государства.

Одним из наиболее простых, доступных, распространенных и эффективных способов проявления критической общественно-политической позиции

граждан является выражение общественного мнения в форме собраний, митингов, шествий, уличных демонстраций и др. О первых попытках законодательно урегулировать такие формы массового поведения людей в России уместно говорить начиная с периода XIX — начала XX в. И связано это было с объективными процессами, происходившими в то время в стране. Как отмечает А.Н. Сахаров, «именно с правления Александра I в России берет свое начало радикальная экстремистская тенденция в русском общественном движении, с тайными обществами, заговорами, планами цареубийства, которые отражали не только российскую историческую реальность, но и общеевропейскую тенденцию» [10. С. 55].

Ученый отмечает, что если бы конституционный проект М.М. Сперанского, который помимо всего прочего предусматривал и предоставление ряда политических прав подданным, имеющим собственность (в разделе проекта Конституции — «права народа») реализовался, то Россия «весьма быстро, наверстывая упущенное в истории время, пошла бы по пути цивилизационного развития в соответствии с запросами времени и уже в начале XIX в. стала бы превращаться в конституционную буржуазную монархию» [10. С. 58].

Ряд современных авторов склонны делить становление политических прав человека в России на два периода.

1. Права и свободы человека и гражданина по законодательству Советской России. Данный период характеризуется тем фактом, что права и свободы человека лишь провозглашались, и не имели какое-либо прикладное значение, оказываясь фактически в тени.

2. Права и свободы граждан современной России. Данный период характеризуется принятием таких основных нормативных правовых актов, как Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и Конституция Российской Федерации 1993 г. [16. С.12].

Такая периодизация, по мнению автора, является крайне поверхностной и категоричной. Она не раскрывает специфики правового закрепления данного института на каждом из этапов развития советского государства, не учитывает особенности развития конституционно-правовой мысли в его эволюции. Разные периоды становления страны на указанном этапе абсолютно уникальны, не подлежат обобщению и требуют от нас выделения некоторых основных особенностей путем дифференцированного анализа.

Каждый период отечественной истории — это целая эпоха в силу чрезмерной концентрации полномочий в руках главы государства, незыблемой властной централизации и фактической несменяемости высшего партийного руководства. В связи с этим принятие новой конституции — это событие всегда эпохального масштаба, призванное нормативно закрепить вновь формируемый государственный порядок. Именно поэтому автор придерживается позиции недопустимости обобщения всей истории отечественного конституционализма XX в. в собирательное понятие «советский» период. И советские конституции различных эпох совершенно уникальны, хотя и имеют многие черты правовой преемственности. «Действительная сила конституции, — писал Ф. Лассаль, —

это фактическое соотношение сил, существующих в стране; писаная конституция тогда лишь прочна и имеет значение, когда является точным выражением реальных соотношений общественных сил» [14. С. 38].

Исследуя проблему реализации права граждан на участие в публичных мероприятиях, необходимо упомянуть о том, что ее невозможно рассматривать вне определенного контекста. Частично опираясь на труды и достижения предыдущих исследователей, можно выделить несколько периодов развития данного института для анализа его особенностей по мере эволюции.

В частности, автору близка периодизация И.С. Колосова, который выделяет семь периодов становления права граждан России на участие в публичных мероприятиях [9. С.16]:

– до 1905 г. Данный период характеризуется тем, что до указанного года российское законодательство не признавало право граждан на проведение собраний;

– 1905–1917 гг. В этот период были приняты: «Правила о собраниях от 12 октября 1905 года», «Манифест от 17 октября 1905 года», «Временные правила проведения собраний» от 4 марта 1906 г., «Свод Основных Государственных Законов» от 23 апреля 1906 г.;

– 1917–1937 гг. Этот период характеризуется большим количеством конституционных актов в этой области, что связано со сложной политической ситуацией в стране и, как следствие, высокой политической активностью граждан;

– 1937–1978 гг. Этот период характеризуется относительной стагнацией развития законодательства о праве на проведение собраний, что связывается с относительно стабильной политической ситуацией в стране, а также фактическим запрещением любых политических выступлений оппозиционного характера;

– 1978–1992 гг. Данный период можно охарактеризовать как время, в которое право на проведение собраний снова стало активно использоваться населением, хотя и носило характер дарованного государством;

– 1993–2004 гг. Этот период характеризуется коренным изменением общественно-политической обстановки в стране, и, как следствие, активным нормативно-правовым регулированием всяческих проявлений политической активности граждан;

–2004 г. — настоящее время (1).

История либеральной мысли в России в конце XIX — начале XX в. наиболее ярко представлена в учениях Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева.

Анализ работ этих ученых позволяет нам утверждать, что отечественными государствоведами была создана солидная теоретическая база для конституционного закрепления и обеспечения свободы собраний в России.

Рассматривая институт собраний, они приходили к выводу, что государство должно оказывать содействие развитию собраний в России, признать за населением право свободного их образования и создать гарантии для их осуществления. В ограничении данного права ученые усматривали препятствие форми-

рованию развитого гражданского общества, росту уровня правосознания российского населения [11. С. 596]. Справедливости ради стоит отметить, что многие из них за свои либеральные взгляды были уволены с занимаемых должностей с известной формулировкой: «за политическую неблагонадежность».

Видным мыслителем той эпохи был историк и юрист, автор трудов по истории Запада и государственному праву С.А. Котляревский.

Он считал, что необходимые свободы граждан должны быть закреплены в конституции и обеспечены государством. К ним правовед относил свободу собраний и союзов, свободу слова и печати, свободу вероисповедания, личную неприкосновенность и др. Ставя во главу угла признание важности индивидуальных прав личности, Котляревский предлагал и определенные условия их реализации. Ученый отмечал, что «свобода собраний и союзов находится в теснейшей связи с тем, насколько легко или трудно для данного правительства приостановить конституционные гарантии, ввести военное положение, получить исключительные полномочия, при которых эта свобода всегда весьма ограничивается» [12. С. 55].

Выдвинутые Котляревским идеи нашли свое отражение в современной концепции правового государства, где сформулированы как принцип взаимной ответственности личности и государства. Иными словами, ученый заявлял о готовности государства и потребности общества к конституционному закреплению института публичных мероприятий как формы непосредственной демократии.

А.К. Дживелегов в опубликованном в 1906 г. труде по названию «Права и обязанности граждан в правовом государстве» подчеркивал, что «свобода собраний есть требование политически зрелого народа... Главный смысл этого требования есть обеспечение беспрепятственной пропаганды, политической, общественной, религиозной и прочей; если народ его не предъявляет, значит, в руководящем обществе царит сознание, что большинство народа не созрело для пропаганды. Наоборот, когда за это требование начинают ожесточенную борьбу, то это является признаком наступления зрелости».

Причина недоверчивого отношения государства к публичным митингам «обуславливается страхом перед изменчивым настроением толпы, особенно большой толпы, собирающейся под открытым небом. Правительства из опыта знают, что такие собрания нередко кончались бунтом, призывом к восстанию» [5. С. 155].

Теоретическое осмысление института публичных мероприятий в начале XX в. послужило важной стадией его эволюции в России. Как отмечает на этот счет А.В. Калинина, «прогрессивные идеи отечественных дореволюционных юристов, которые во многом опирались на зарубежный опыт, заложили необходимую основу нормативно-правового обеспечения свободы собраний в России, способствовали внедрению данного института в отечественную правовую систему, создали благоприятную почву для дальнейших демократических преобразований» [7. С. 115–116].

Характерной особенностью нормативного регулирования права граждан на публично-массовые мероприятия того периода было отсутствие в их тексте каких-

либо норм отсылочного характера, то есть, по сути, соединение в единой статье норм конституционного, административного и уголовного права, что являлось объективным отражением законодательной техники рассматриваемого этапа.

Из изложенного следуют два логичных вывода.

1. Отсутствие нормативно-правовых актов конституционно-правового характера, изданных высшими государственными органами в период до 1905 г., не свидетельствует об отсутствии правового закрепления этого права, а говорит лишь о том, что:

а) нормативное регулирование конституционно-правовых отношений фактически происходило посредством норм уголовного и административного права в силу особенности и специфичности общественной жизни и происходящих в ней процессов. Примером этому может служить гл. 17 Артикула Воинского от 26 апреля 1715 г., в которой устанавливалась ответственность за тяжкие государственные преступления — возмущение, бунт или сходбища, организованные «многими людьми» [17. С. 379]. Любопытно, что к ответственности привлекались как сами участники сходбища, так и лица, совершившие другое преступление — «недоносительство»;

б) Власть, боясь повторения ряда событий предшествующего периода, а также укрепления собственной незыблемости, не могла закрепить указанное право за подданными на уровне конституционных актов, чтобы избежать эскалации числа протестных акций в революционно настроенном обществе.

2. Законодатель подробно и исчерпывающе давал перечень уголовно-правовых деяний, то есть, следуя известной формуле, — разрешено все, что не запрещено, можно еще раз подтвердить тезис о «предполагаемом» характере данного права, однако справедливо отметить, что это, с определенными оговорками, касается лишь периода конца XIX — начала XX в., когда посредством нормативных актов сильно было ограничено понятие «усмотрение власти».

Особенностью государственного аппарата в то время, в силу незавершенности ряда ключевых реформ, являлось опасение стремительно возросшей революционной активности людей. В этих условиях государство укрепляет меры по охране существующего государственного порядка и стабилизации напряженной ситуации в обществе (2).

17 октября 1905 г. был подписан знаменитый Манифест об «умиротворении государственной жизни». Манифест провозглашал «незыблемые основы гражданской свободы», декларировал свободу совести, религии, печати, собраний и т.д., и устанавливал, что ни один закон не может впредь обрести юридическую силу без одобрения Государственной Думой. Для исследователей, переоценивающих значение изданного акта, академик И.М. Разгон давал очень интересный комментарий: «Предоставляя буржуазии видимость участия в руководстве страной, обманывая народ обещаниями и ничем не гарантированными свободами, Манифест должен был расколоть революционные силы, размежевать либеральную оппозицию и революционный народ, отвлечь рабочих и крестьян от единственного правильного выхода из кризиса — от революционного восстания, к которому призывала народ партия большевиков...» [1. С. 591–605].

Манифесту предшествовало издание 12 октября того же года Императорского Указа «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений “О собраниях”» (далее — Указ).

Интересно, что Правила были сформулированы под сильным влиянием прусского закона от 11 марта 1850 г. [24. Р. 52] Любопытно также и то, что российское законодательство уже тогда избегало дифференциации различных форм публичных мероприятий, обобщая их в единое собирательное понятие «собрание» (3).

Необходимо отметить, что такого рода проблемы были и отчасти остаются до сих пор.

Итак, Манифест и предшествующий ему Указ закрепили право подданных «на собрания». Два этих важнейших акта по степени значимости имели характер конституционно-правовых. Однако не все на практике было так красиво, как на бумаге.

Как отмечает В.М. Гессен, все перечисленные в Манифесте права находились в полной зависимости от усмотрения органов исполнительной власти. При этом он отмечает, что «в отношении указанных собраний государственные органы обладали наибольшей дискреционной властью», то есть властью, предоставляющей особые полномочия главе государства, правительства или иному должностному лицу и дающей ей право действовать по собственному усмотрению, в частности в чрезвычайных обстоятельствах [3. С. 240–242].

Анализируя положения Указа, известный юрист Н.А. Лазаревский по этому поводу писал: «Словом, свобода собраний в том виде, в каком она установлена настоящим законом, есть свобода собираться, если полиция сообразовалась, и не расходиться, пока полиции то благоугодно» [13. С. 3447].

Возвращаясь к указанной периодизации, необходимо отметить еще один неупомянутый им акт дореволюционного периода, по объективным причинам так и не ставший законом. Речь идет о законопроекте «О собраниях», внесенном в Государственную Думу партией конституционных демократов (Кадетов) 29 мая 1906 г., целью которого было устранение противоречий и ряда пробелов между Правилами и Основными Законами Российской империи (4) (5).

Анализ норм и положений, провозглашавшихся в Своде Законов в отношении рассматриваемого вопроса, действительно свидетельствует о наличии в их тексте ряда архаичных положений. Так, ст. 78 Свода Законов гласила: «русским подданным обеспечивается право устройства мирных без оружия собраний в целях, допускаемых законом» [4. С. 255].

Следует отметить, что в такой сложной стране, как Россия, с неоднородным национальным составом и нерешенными вопросами государственного и общественного устройства, провозглашение исключительного права этнически русских подданных на проведение и участие в собраниях было делом крайне опасным и противоречивым. Кроме этого, фраза «в целях, допускаемых законом» оставляла власти множество оснований для запрета собрания.

Как писал английский философ и мыслитель Томас Гоббс, если собрание «не запрещено государством и не имеет дурных целей (как например стечение

народа на базарах, на публичных зрелищах или по какому-нибудь другому невинному поводу), то оно законно. Если же намерения будут дурны или (в случае значительного числа людей) не известны, то оно противозаконно» [4. С. 210].

Первым актом советского государства в отношении публичных форм выражения общественного мнения стало Постановление Временного Правительства от 25 (12) апреля 1917 г. «О собраниях и союзах» (далее — Постановление). Принятое после Февральской революции, оно закрепляло право всем без исключения российским гражданам «...без особого на то разрешения, устраивать собрания, как в закрытых помещениях, так и под открытым небом...» [21. С. 92].

Характерной особенностью Постановления было то, что оно впервые устранило различие между проведением мероприятия на открытом воздухе и проведением такового в помещении.

На первый взгляд, принятое Постановление было большим шагом вперед по сравнению с ранее действовавшими актами — из Постановления изъяты понятия «частного» и «публичного» собрания и введено лишь одно ограничение — «собрания на рельсовых путях возбраняются».

В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., были закреплены политические права и свободы советских граждан, в том числе и свобода печати, собраний, митингов и шествий.

Критики фактического соблюдения прав человека в советский период истории России подчеркивают ярко выраженный классовый характер советского государства и права, особенно в первые десятилетия его существования. Так, в ст. 15 Конституции РСФСР 1918 г. говорилось о том, что в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний РСФСР, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., представляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением [18. С. 34].

И все же нельзя не отметить всей значимости этого события. Впервые в истории страны отношения, вытекающие из права граждан на участие в публичных мероприятиях, становились конституционно закрепленными и регулируемые. Страна с низким культурным уровнем, с большим количеством неграмотных людей впервые в своей истории конституировала право граждан на выражение публичного мнения посредством участия в массовых мероприятиях.

Как писал В.И. Ленин, задачей Советского государства в первые годы его существования был принцип «соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица советского руководителя... во время труда...» [15. С. 173].

11 мая 1925 г. Постановлением 12 Всероссийского Съезда Советов была утверждена Конституция РСФСР, в статье 6 которой говорилось: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний, Российская

Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения».

Анализируя правовые акты рассматриваемого периода, автор вынужден согласиться с рядом современных исследователей по поводу фактической реализации права граждан на участие в публичных мероприятиях, поскольку детальной регламентации положений ст. 15 Конституции РСФСР 1918 г. и ст. 125 Конституции СССР 1936 г., в частности закона, конкретизирующего эти положения, нет, из чего следует вывод об их декларативном характере. Политические права граждан, в том числе и право на проведение публичных мероприятий, только формально значились на бумаге. Какие-либо массовые акции, не инициированные соответствующими партийными органами, жестко пресекались (7).

Однако справедливо будет отметить, что такие крайние меры достигали своей высшей точки лишь в период конца 20-х — конца 40-х гг., связанного с усилением контрреволюционной ситуации в стране и борьбой против иностранной агрессии. Указанный же период характеризуется небывалым в истории России сосредоточением всех рычагов государственного управления в руках одного человека. «Права человека могут быть защищены только в том государстве, которым управляет право, а не отдельные люди», — писал выдающийся швейцарский юрист, профессор Томас Фляйнер [22. С. 129].

Важным этапом становления и развития рассматриваемого института был Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» от 28.07.1988 № 9306-11 [21] (далее — Указ).

Уникальность документа состояла в том, что он, во-первых, стал первым в советский период России нормативно-правовым актом, конкретизирующим положения Конституции в данном вопросе на подконституционном уровне, а во-вторых, детально регламентировал порядок организации и проведения публичного мероприятия.

Основной целью издания Указа провозглашалось регулирование порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Главным достоинством Указа, по мнению автора, явилось то, что по сравнению с ранее принятыми нормативными актами был, во-первых, предусмотрен механизм реализации конституционного права граждан на участие в публичных мероприятиях «по вертикали» (ст. 9), Верховными Советами союзных и автономных республик, краевыми, областными, окружными, районными и городскими Советами народных депутатов, которые могут дополнительно регламентировать порядок проведения собраний, митингов, демонстраций и т.д. (естественно, без противоречий Конституции СССР и Указу), а во-вторых, в Указе впервые не была закреплена одновременно еще и уголовная ответственность за нарушение законодательства, а имелась всего лишь норма отсылочного характера (ст. 8).

И все же как сам Указ, так и практика его правоприменения не были лишены ряда «родовых» недостатков. Указ не содержал четкой градации и разграничения понятий «митинг» или «пикетирование», «шествие» или «демонстрация». Как пишет В.А. Ковалев, исполкомы местных советов зачастую предлагали организаторам и гражданам провести вместо, скажем, митинга собрание, или вместо демонстрации шествие, уверяя при этом, что ничего страшного в такой замене нет. Как отмечает ученый, на практике были известны такие случаи, когда работники правоохранительных органов, вынося решения по делам о нарушениях порядка при проведении массовых мероприятий, ссылались не на нормы действующего материального права, а на словарь русского языка С. И. Ожегова. «Такая практика — укор законодателям. Именно они в процессе выработки текста Указа Президиума ВС СССР должны были сидеть за словарями», — пишет он [8. С. 49].

Общим выводом по конституционному закреплению права граждан на участие в публичных мероприятиях в указанный период истории может быть отсутствие принципиального различия между подходом государства к закрепляемому государством позитивному праву граждан СССР и исключительно редакционным различием между текстами всех без исключения конституций советского периода.

Государство и право как живой организм проходят через определенные фазы эволюции. Тенденции по усилению авторитета демократии и признанию наднационального характера прав человека, а также падение недемократических режимов играют в становлении политических прав человека огромную роль. Однако следует признать, что возможность людей самостоятельно влиять на свою собственную судьбу является последним достижением подобного рода эволюции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) С момента принятия и вступления в силу Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ.
- (2) В частности, в 1881 г. было принято Положение о мерах, к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, которое помимо всего прочего давало право генерал-губернатору запрещать собрания людей, а также подвергать любое лицо высылке и аресту до 3-х месяцев [6. С. 210].
- (3) Это, в частности, отмечает Сивопляс А.В., который пишет, что о данном факте свидетельствует анализ и название нормативных актов: «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений “О собраниях”» 1905 г., «Временные правила о собраниях» от 4 марта 1905 г., Указ «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г. [20. С. 13].
- (4) Многие юристы склонны считать Основные Законы Российской империи по своему содержанию и значению первой в истории России писаной конституцией. Однако, ряд иностранных исследователей весьма критично относятся к ним. Например, известный ученый Джузеппе Боффа по этому поводу считает, что Основные Законы были всего лишь своего рода подделкой под Конституцию. В качестве аргумента он приводит ряд нормативных положений, в соответствии с которыми законы не могли издаваться без одобрения двух палат — выборной Думы и Государственного Совета (ст. 86 Свода Законов 1906 г. — *прим. авт.*), однако это положение, по его мнению, сводилось на нет

- рядом ограничительных положений. Сама Дума избиралась на основании дискриминационных цензовых критериев, никогда не обладала реальной властью и представляла собой, — как пишет ученый, — «лишь подобие на Парламент». Совет министров он называет «сборищем сановников», которые не несли коллегиальной ответственности и сохраняли абсолютную личную преданность царю. Сами Основные законы же он считает нормативным подтверждением самодержавной власти монарха, а не ее конституционным ограничением [2. С. 24–25].
- (5) Как подчеркивает А.В. Сивопляс, противоречия касались ст. 78 Основных Законов и Правил. Он, в частности, пишет, что «каждую уступку, как бы ничтожна она ни была, Правила стараются свести на нет в следующей статье. Этот закон получил уже в довольно широких кругах название закона о предупреждении и пресечении собраний» [22. С. 55].
- (6) Вообще само выражение «под открытым небом» является весьма противоречивым. Логика законодателя, в частности при принятии Указа «О временных правилах о собраниях» 1906 г., ясна — отграничить протестно настроенную часть общества (пусть и небольшую) от остальных людей и не дать им «слиться» в едином потоке. Еще одним фактором является чисто техническая невозможность вместить всех митингующих под крышей одного помещения. Выделяя признак «на открытом воздухе», законодатель, судя по всему, считал, что протестные выступления нескольких тысяч человек, собравшихся, скажем, в помещении концертного дворца, менее опасны для властной незыблемости, чем выступление такого же количества человек, например, в сквере, поскольку в первом случае собрание будет иметь изолированный от остальных характер. Однако нельзя не учитывать, что в некоторых случаях такая изолированность может лишь подогревать интерес случайных прохожих к происходящим событиям просто из чувства человеческого любопытства. Отсюда совершенно обоснованный и логичный отказ законодателя от выделения этого признака начиная с периода 1917 г.
- (7) Например, инструкция НКВД 1918 г. содержала такое предписание: «Советы должны усилить контроль за уличной агитацией и зорко следить за всякими происками контрреволюционеров и белогвардейцев, решительно подавлять твердой безжалостной рукой в корне всякую попытку дискредитировать власть рабочих и беднейших крестьян, подрывать ее основы» [19. С. 92].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1947.
- [2] *Бюффа Джузеппе*. История Советского Союза. В двух томах. — Т. 1. — М.: Международные отношения, 1994.
- [3] *Гессен В.М.* Русское государственное право. — СПб., 1909.
- [4] *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской Империи. Антология конституционных учений / Под общей ред. д.ю.н., проф. Червонюка В.И. — М.: ООО «Миттель-пресс», 2009.
- [5] *Дживелегов А.К.* Права и обязанности граждан в правовом государстве. — М., 1906.
- [6] История государства и права России: Учебник / Под ред. В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаева и др. — М.: ТК Велби, 2004.
- [7] *Калинина А.В.* Свобода собраний в юридической и общественно-политической мысли дореволюционной России / Антология конституционных учений / Под общей ред. д.ю.н., проф. Червонюка В.И. — М.: ООО «Миттель-пресс», 2009.
- [8] *Ковалев В.А.* Собрания, митинги, демонстрации... Проблемы и решения // Человек и закон. — 1991. — № 3–4.
- [9] *Колосов И.С.* Конституционное право граждан на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования и его реализация в субъектах Российской

- Федерации, находящихся в пределах южного федерального округа: Автореф. дисс. ... к.ю.н. — Ставрополь, 2005.
- [10] Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / Под общей ред. А.Н. Сахарова. — М., 2000.
- [11] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. — Т.1. — СПб., 1892.
- [12] *Котляревский С.А.* Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. — СПб., 1907.
- [13] *Лазаревский Н.И.* Временные правила о собраниях // Право. — 1905. — № 42.
- [14] *Лассаль Ф.* Сущность конституции. Что же дальше? — СПб.: Молот, 1905.
- [15] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Т. 39.
- [16] *Лубенникова С.А.* Теоретико-правовые основы обеспечения социально-экономических прав человека и гражданина в Российской Федерации (региональный аспект): Автореф. дисс. ... к.ю.н. — Абакан, 2004.
- [17] Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. — Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — М.: Юридическая литература, 1986.
- [18] Сборник нормативных актов по Советскому государственному праву. — М., 1984.
- [19] Сборник приказов, постановлений, распоряжений, циркулярных телеграмм НКВД. Вып. 1. — М., 1918.
- [20] *Сивопляс А.В.* Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестации (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирований и других публичных акций) в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. — Екатеринбург, 1993.
- [21] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 № 9306-11 «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // СПС «Гарант».
- [22] *Фляйнер Т.* Что такое права человека. — М., 1997.
- [23] *Нерсесянц В.С.* Философия права. — М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
- [24] *Das Prussische Vereinsgesetz.* — Vom 11. — Marz 1850. — Bohn, Berlin. — 1901.

THE EVOLUTION OF INSTITUTE OF PUBLIC EVENTS IN RUSSIA

D.V. Gagloev

The Department of Constitutional and Municipal Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the some actual problems of the origin, formation and evolution of public events in Russia at the different stage.

Key words: public events, international law legal acts, nationality institute in Russian Federation, civil society.

REFERENCES

- [1] *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya.* — М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1947.
- [2] *Boffa Dzhyuzeppe.* Istoriya Sovetskogo Soyuz. V dvyukh tomakh. —Т. 1. — М.: Mezhdunya-rodnye otnosheniya, 1994.
- [3] *Gessen V.M.* Ryusskoe gosyudarstvennoe pravo. — SPb., 1909.

- [4] Gribovskiy V.M. Gosyudarstvennoe yustroystvo i yupravlenie Rossiyskoy Imperii. Antologiya konstitutsionnykh yucheniy / Pod obschey red. d.yu.n., prof. Chervonyuka V.I. — M.: ООО «Mittel'-press», 2009.
- [5] Dzhivelegov A.K. Prava i obyazannosti grazhdan v pravovom gosyudarstve. — M., 1906.
- [6] Istoriya gosyudarstva i prava Rossii: Yuchebnik / Pod red. V.M. Kleandrova, R.S. Myulyu-kaeva i dr. — M.: TK Velbi, 2004.
- [7] Kalinina A.V. Svoboda sobraniy v yuridicheskoy i obschestvenno-politicheskoy mysli dorevolutsionnoy Rossii / Antologiya konstitutsionnykh yucheniy / Pod obschey red. d.yu.n., prof. Chervonyuka V.I. — M.: ООО «Mittel'-press», 2009.
- [8] Kovalev V.A. Sobraniya, mitingi, demonstratsii... Problemy i resheniya // Chelovek i zakon. — 1991. — № 3–4.
- [9] Kolosov I.S. Konstitutsionnoe pravo grazhdan na provedenie sobraniy, mitingov i demonstratsiy, shestviy i piketirovaniya i ego realizatsiya v syub'ektakh Rossiyskoy Federatsii, nakhodyaschikhsya v predelakh yuzhnogo federal'nogo okryuga: Avtoref. diss. ... k.yu.n. — Stavropol', 2005.
- [10] Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII — nachala XX v. / Pod obschey red. A.N. Sakharova. — M., 2000.
- [11] Korkyunov N.M. Ryusskoe gosyudarstvennoe pravo. — T.1. — SPb., 1892.
- [12] Kotlyarevskiy S.A. Konstitutsionnoe gosyudarstvo: opyt politiko-morfologicheskogo obzora. — SPb., 1907.
- [13] Lazarevskiy N.I. Vremennye pravila o sobraniyakh // Pravo. — 1905. — № 42.
- [14] Lassal' F. Syuschnost' konstitutsii. Chto zhe dal'she? — SPb.: Molot, 1905.
- [15] Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. — T. 39.
- [16] Lyubennikova S.A. Teoretiko-pravovye osnovy obespecheniya sotsial'no-ekonomicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii (regional'nyy aspekt): Avto-ref. diss. ... k.yu.n. — Abakan, 2004.
- [17] Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. V devyati tomakh. — T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. — M.: Yuridicheskaya literatyura, 1986.
- [18] Sbornik normativnykh aktov po Sovetskomyu gosyudarstvennomu pravu. — M., 1984.
- [19] Sbornik prikazov, postanovleniy, rasporyazheniy, tsirkyulyarnykh telegramm NKVD. Vyp. 1. — M., 1918.
- [20] Sivoplyas A.V. Yuridicheskaya priroda i mekhanizm realizatsii svobody manifestatsii (sobraniy, mitingov, yulichnykh shestviy, demonstratsiy, piketirovaniy i dryugikh pyublichnykh aktsiy) v Rossiyskoy Federatsii: Diss. ... k.yu.n. — Ekaterinbyurg, 1993.
- [21] Yukaz Prezidiyuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28.07.1988 № 9306-11 «O poryadke orga-nizatsii i provedeniya sobraniy, mitingov, yulichnykh shestviy i demonstratsiy v SSSR» // SPS «Garant».
- [22] Flyayner T. Chto takoe prava cheloveka. — M., 1997.
- [23] Nersesyants V.S. Filosofiya prava. — M.: Norma: INFRA-M., 2011.
- [24] Das Prussische Vereinsgesetz. — Vom 11. — Marz 1850. — Bohn, Berlin. — 1901.